

УДК 355.121

О СЛУЖЕБНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ОФИЦЕРОВ И СОЛДАТ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В. Н. Суряев

Научно-исследовательский институт Вооруженных сил Республики Беларусь», 220103, Минск, ул. Калиновского, 4
sverbihin7@mail.ru

Анализируются отношения офицерского и рядового состава Русской армии в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Отмечается, что характеристика этих взаимоотношений и поныне является предметом дискуссии. Доказывается, что в рассматриваемый период офицеры в большинстве своем стремились преодолеть исторически сложившееся отчуждение между ними и нижними чинами. Показываются основные направления гуманизации отношений в армии, раскрываются меры юридического и морального воздействия на тех офицеров, которые позволяли себе нарушать установленный законом порядок.

Ключевые слова: Русская армия, морально-психологическая атмосфера, военнослужащие, взаимоотношения, воспитание.

Современные исследования истории Великой войны, 100-летие начала которой недавно отмечалось, имеют отличительную черту. Наряду с политическими, экономическими, военнотехническими аспектами этого глобального социально-политического катаклизма стала рассматриваться история с «человеческим лицом». В числе других в круг интересов российских ученых вошли вопросы морально-психологического состояния Русской армии в предвоенные годы и в период войны.

Внимание к этим вопросам не случайно: моральный дух является одним из важнейших показателей боеготовности войск, их способности вести активные боевые действия, выдерживать тяготы и лишения военного времени. О значении морального фактора образно сказал Наполеон: «Во всяком военном предприятии успех на три четверти зависит от данных морального порядка и только на одну четверть от материальных сил» [Военная энциклопедия, 1912, с. 479].

Особенностью внутреннего положения России в начале XX в. стало революционизирование всех сфер общественной жизни. Политические силы, стремившиеся изменить государственное устройство и взять власть в свои руки, понимали, что для достижения столь масштабной цели необходимо лишить самодержавие главной опоры, каковой являлась армия. Для этого требовалось дискредитировать офицерский корпус, который в значительном большинстве своем сохранял верность действовавшей власти. Как отмечал современник, антиправительственные партии (речь шла о социал-демократах, эсерах, бундовцах и др.) «...при всех попытках внутреннего переворота старались, прежде всего, внести раскол между... солдатом, с одной стороны, и офицером – с другой и подорвать его авторитет...» [Маршюшкин, 2000, с. 494]. Противники монархии понимали, что в этом случае армия окажется разрушенной изнутри, ее морально-психологический потенциал будет уничтожен и она не сможет и не захочет поддержать прежний режим.

Для решения указанной задачи как в армейской среде, так и в обществе была развернута активная работа. Одним из ее направлений стала пропаганда с целью формирования негативного образа офицерства. В частности, для воздействия на общественное сознание тиражировалось мнение о «бесчеловечной» атмосфере, царившей в армии. Утверждалось, будто жестокость по отношению к солдатам – обычное явление, что они лишены элементарных прав и офицеры могут не только унижать их словесно, но и оскорблять физически. При этом какая-либо система доказательств отсутствовала, в качестве примеров приводились отдельные эпизоды, чрезвычайные происшествия и слухи.

До 1917 г. подобная агитация как средство дискредитации офицерского корпуса и раскола армии использовалась рядом политических партий; в последующие десятилетия морально-психологическая атмосфера в Русской армии также оценивалась в негативном ключе. Например, в одном из трудов, вышедших в 1930-е гг., предвоенная внутриармейская атмосфера описывалась следующим образом: «...Жестокие и унижительные наказания за малейшую провинность, грубое

обращение и мордобой... разжигание национальной розни, поощрение неграмотности... Какого же еще обращения, кроме скотского, можно было ожидать от офицера, убежденного, что солдат есть животное, обладающее даром речи?» [Василенко, 1933, с. 4, 5]. Ответной же реакцией солдат была ненависть к офицерам, не проявлявшаяся только из-за страха наказания [Там же]. Подчеркнем: подобные взгляды существуют и в наши дни.

Проявлением этой ненависти иногда называют террор в отношении офицеров, начавшийся в стране после Февральской революции. При этом утверждается, будто волна убийств командиров и начальников, совершенных нижними чинами в тылу и действующей армии, явилась закономерной реакцией на накопившиеся обиды и унижения. Однако сторонники такой точки зрения почему-то умалчивают о том, что подобные эксцессы происходили лишь в течение нескольких месяцев, в период между Февральской и Октябрьской революциями, когда ситуация в стране принципиально изменилась. Кадровая армия с ее дисциплиной и воинскими традициями по большей части погибла в боях. Для восполнения потерь и дальнейшего ведения войны были призваны свыше 13 млн. запасников и новобранцев, совершенно изменивших лицо вооруженных сил. Отношение этих людей к войне и выполнению воинского долга формировалось под влиянием тягот и лишений военного времени, злоупотреблений властью на местах, неустройства тыла, нарастающего недовольства положением в стране, революционной и либеральной пропаганды. Морально-психологическое состояние войск постепенно ухудшалось, появились настроения любой ценой сохранить жизнь, избежав участия в боевых действиях.

После известных шагов Временного правительства по «демократизации» армии, в результате которых власть в ней перешла к солдатским комитетам, офицерство оказалось в трагическом положении. Лишившись реального влияния в войсках, офицеры, однако, противились развалу армейского организма и стремились побудить солдат к выполнению своих обязанностей, в том числе к участию в боевых действиях. В условиях практической недееспособности Временного правительства, не сумевшего организовать деятельность армии как социального института, ответом вооруженных людей, которых уже сложно было считать военными служащими, стал террор в отношении командного состава. В более поздний период, когда началась Гражданская война, ситуация вновь изменилась: происходило вооруженное противостояние сторон, в котором бывшие офицеры императорской армии участвовали как на стороне Белого движения, так и на стороне Советской власти.

Таким образом, представляется, что изложенные оценки морально-психологического климата в Русской императорской армии в начале XX в. – как минимум объект полемики. Армейские реалии в то время были сложными, но совершенно не такими, как это нередко изображается. В настоящей статье делается попытка обосновать иной, более объективный, по мнению автора, взгляд на освещение данной проблемы.

Обстановка в армии всегда является отражением отношений, господствующих в обществе. В силу данного обстоятельства все негативные явления, присущие в свое время общественным отношениям: дискриминация, доходившая до неравенства в правах, физические наказания, унижительное отношение к низшим сословиям и т.п. – проявлялись и в армейской среде.

Гуманизация отношений в армии началась в результате реформ 60–70-х гг. XIX в., значительно изменивших социальную обстановку в стране и повлиявших на мировоззрение всех сословий и социальных групп. В частности, отмена крепостного права принципиально изменила положение в армейской среде. Если в дореформенный период отношения между солдатами и офицерами в значительной мере строились на основе принадлежности командного состава к высшим сословиям, то к началу XX в. «...офицер-барин перестал существовать, нижний чин-холоп – тоже. За 40 лет бессловесный солдат превратился в сознательное существо» [Галкин, 1906, с. 16].

В новых условиях обеспечить решение стоящих перед войсками задач, обучить и воспитать подчиненных, завоевать у них авторитет и уважение офицеры могли только благодаря личным качествам. Ситуация, однако, осложнялась тем, что существовавшее прежде неравенство в правах и сохранявшаяся разница в социально-экономическом положении породили в народе негативное отношение к высшим сословиям. В свое время к ним причислялось и офицерство, хотя в рассматриваемый период его положение в обществе было уже совершенно иным. Военная служба утратила присущую ей некогда престижность, а уровень жизни огромного большинства офицеров был ниже, чем у врачей, инженеров, учителей, чиновников, квалифицированных рабочих и т.д. [Суряев, 2014, с. 52–56]. Несмотря на это, сформировавшееся у большинства простолюдинов психологическое

неприятие «господ» давало о себе знать.

Данное явление не замалчивалось: об исторически сложившемся отчуждении между нижними чинами и офицерством открыто писала военная пресса, в обществе и армии развевались дискуссии. Яркий пример тому – статья «Клин, расколовший русскую армию», напечатанная в популярном в офицерских кругах журнале «Разведчик» [Шаронов, 1906, с. 180–183].

Иногда к этой теме обращались и солдаты, письма которых публиковались в военной прессе. Так, в статье, напечатанной под псевдонимом «Нижний чин», автор пишет о грубости некоторых офицеров. «В душе... рождается чувство вражды ко всем носящим офицерский мундир. Вот это-то болезненное место, прежде всего, нужно изменить в нашей армии. Нужно устранить эту традиционную вражду между нами, солдатами, и вами, господа офицеры» [«Нижний чин», 1906, с. 97].

В столь непростой ситуации офицерам необходимо было завоевать доверие солдат. Добиться этого, как утверждал один из основателей русской военной педагогики, генерал М. И. Драгомиров, можно «характером, знанием дела, заботливостью о солдате и, наконец, всяческой справедливостью...» Обращаясь к офицерскому составу, он писал: «Чем больше со стороны офицера будет теплоты, участия, терпения, тем легче он найдет доступ к сердцу и сознанию молодого солдата; в таком случае лучше пойдет его воспитание и образование, ибо он уверует в офицера, и, уверовавши, во всем послушает» [Драгомиров, 1892].

В подобном ключе высказывались практически все военные педагоги и публицисты, оказывавшие влияние на мнение и настроения офицерской общественности. Приведем лишь несколько примеров, характеризующих взгляды, распространенные в офицерских кругах в то время.

Ротмистр В.М. Кульчицкий, чей труд в 1915–1917 гг. выдержал шесть изданий, писал: «Солдаты не безмолвные бараны, а беспощадные судьи, пришедшие из разных концов беспредельной России, уносящие обратно, туда же, всё пережитое на службе: благодарность и озлобленность; уважение и презрение; любовь и ненависть» [Кульчицкий, 1915]. Ему вторил известный военный публицист генерал-майор Н. Д. Бутовский: «...Старайтесь сблизиться с солдатом... и полюбить его. Сердце неиспорченного русского простолюдина можно назвать золотым сердцем... Вы найдете в нем неисчерпаемый источник самопожертвования; вы будете очарованы этой готовностью человека отдать вам все за ваше доброе к нему участие» [Бутовский, 1902, с. 153]. Подполковник Генерального штаба М. Галкин в своей книге подчеркивал: «Офицер должен уважать человеческие права своего собрата – нижнего чина» [Галкин, 1906, с. 22].

Следует отметить, что подобные взгляды популяризировались отнюдь не прекраснодушными идеалистами или дилетантами. Их авторы – офицеры и генералы, прослужившие в армии много лет, вникавшие в суть изменений и процессов, происходивших в войсках.

Стремясь соответствовать требованиям времени, командиры и начальники различного ранга стали принимать меры по сплочению армейских рядов, созданию товарищеской атмосферы в отношениях между всеми категориями военнослужащих. Так, в 1906 г. генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович подписал приказ, требовавший от подчиненных ему офицеров установить более тесные отношения с солдатами. В частности, в приказе говорилось, что многие офицеры не знают своих солдат в должной мере, в то время как «только те части стоят во всех отношениях на должной высоте, в которых начальники и офицеры живут общими интересами с нижними чинами, занимаются их обучением и воспитанием» (Приказ... № 4, 1906, с. 90). В одном из приказов по Кавказскому военному округу командующий отметил, что некоторые офицеры стоят в стороне от жизни подчиненных им нижних чинов. Потребовав изменить отношение к службе, он подчеркнул: «... всякого рода беспорядки и случаи нарушений дисциплины в войсках я, прежде всего, буду объяснять недостатком воспитательной и товарищеской работы офицерского состава...» (Приказ... № 341, 1906, с. 197). По мнению командующего войсками Киевского военного округа, выраженного в его приказе, «единственный при обучении молодых солдат прием – показ, совершенно исключаящий книжное заучивание. В деле обучения молодых солдат отбросить систему запугивания» [Приказ... № 656, 1906, с. 812].

Подобные приказы издавались по всей армии. Выполняя их, передовые офицеры, понимавшие необходимость перемен, сосредоточивали внимание на развитии гуманистической, нравственной составляющей отношений с подчиненными. Важнейшую роль в этом играло обучение неграмотных солдат чтению и письму (грамотные среди призывников составляли в 1901–1910 гг. лишь 50–60%) (Разведчик, 1913, № 1182, с. 386). Решение же специальной государственной комиссии об

обязательном обучении молодых солдат грамоте выполняли именно офицеры, в основном ротного (батарейного, эскадронного) звена. В целях просвещения и развития, а также для того, чтобы установить духовную связь с нижними чинами, многие офицеры считали необходимым проводить с ними беседы на экономические, военные, гражданские и религиозные темы [Галкин, 1906, с. 126].

В то время не было централизованной системы комплектования ротных солдатских библиотек литературой. Учитывая важность чтения для формирования личности солдат, именно офицеры прилагали усилия, чтобы создать систему в формировании библиотечных фондов. Лишь позже, в годы Первой мировой войны, военный министр утвердил «Список книг, кои могут быть допущены для чтения больных и раненых нижних чинов, находящихся в разного рода лечебных заведениях» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 783. Л. 3–15).

В войсках делались попытки использовать и совершенно новые для того времени формы работы с нижними чинами. Так, в 1-й и 2-й пехотных дивизиях были созданы особые советы офицеров с целью содействия умственному и нравственному развитию солдат. В 8-й Восточносибирской стрелковой дивизии ежемесячно проводились совещания офицеров, на которых обсуждались методы обучения и воспитания нижних чинов, разбирались различные ситуации из жизни и службы солдат и офицеров (Приказ... № 178, 1906, с. 280–281). Понятно, что желаемый результат достигался далеко не всегда, но необходимо подчеркнуть другое: с нижними чинами занимались воспитательной работой, а не «мордовали» их.

Известно немало фактов, когда офицеры даже в мирное время рисковали жизнью для спасения подчиненных. Например, в декабре 1902 г. в Андижане произошло сильное землетрясение. Один из офицеров, поручик Девдориани, во время подземных толчков вбежал в помещение, где стояло знамя, и вынес его. Двое других – поручик Герцулин и капитан Тучков – выводили солдат из казарм, оставаясь там, пока их не покинул последний человек. Вследствие этого поручик Герцулин погиб, а капитан Тучков был тяжело ранен (Разведчик, 1903, № 645, с. 205). В Киевском военном округе во время учений солдат бросил связку динамитных патронов, которая не взорвалась. Надо было выяснить, продолжается ли горение фитиля. Подпоручик 7-го саперного батальона Васильев извлек динамит сам, не подвергая опасности нижнего чина, человека менее опытного. Командующий войсками, поставив подпоручика в пример всем офицерам округа, поблагодарил его «...за правильное понимание обязанностей офицера и примерное отношение к служебному долгу» (Приказ... № 394, 1907, с. 526). В ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. отмечено множество случаев, когда офицеры, рискуя жизнью, выносили с поля боя раненых солдат (Наши герои..., 1915, с. 143–151).

Представляется, что подобные поступки офицеров воспринимались как специфическая форма воспитательной работы.

Конечно, понять суть сложнейших социальных процессов, происходивших в стране и армии, могли не все офицеры, и не сразу. Не каждый офицер был «отцом-командиром», душой болевшим за подчиненных солдат. У одних инерционность мышления не позволяла соответствовать требованиям времени, другие не обладали необходимыми знаниями и навыками в сфере педагогики и психологии, третьи по натуре были замкнутыми людьми. Были и такие, кто считал, что достаточно одной требовательности в отношении нижних чинов, и относились к солдатам «сухо». В этой связи бывший офицер-гвардеец князь С. Трубецкой писал: «Теперь часто слышишь, что кадровые офицеры вообще-то солдат за людей не считали и относились к ним как к скотам. Могу лишь сказать, что среди моих полковых товарищей я таких офицеров не знал. ...Среди офицеров встречались такие, которые относились к солдату безразлично, так сказать, казенно..., но нельзя же делать из этого вывод, что... они относились к солдату, как к скотине. У нас в полку даже обзывать солдата площадной или матерной бранью считалось для офицера признаком дурного тона» [Трубецкой, 1991, с. 132].

Следует остановиться на проблеме физических наказаний, якобы применявшихся в армии вплоть до Великой войны. Подобный вид наказаний в свое время действительно существовал официально и распространялся как на податные сословия, так и на нижние чины. В апреле 1863 г. телесные наказания были отменены везде, кроме дисциплинарных батальонов (наказание розгами для так называемых «штрафованных» – лиц, совершивших серьезный проступок уже в период нахождения в дисциплинарном батальоне).

В 1899 г. по инициативе военного министра А. Н. Куропаткина был поднят вопрос об окон-

чательной отмене телесных наказаний в армии. Причиной такого шага называлось несоответствие высокого звания воина и унижительного наказания розгами. Министр обратился к командующим военными округами с просьбой высказать свое мнение об этой проблеме; те, в свою очередь, обратились к нижестоящим командирам. Значительное большинство командного состава выступило за отмену таких наказаний, против отмены высказались единицы [Вишн, 1904, с. 158]. В феврале 1902 г. военный министр и управляющий морским министерством представили всеподданнейший доклад, в котором ставили вопрос об окончательной отмене телесных наказаний.

Император Николай II распорядился приступить к необходимой законодательной работе, и в июле 1904 г. телесные наказания для «штрафованных» были отменены. Наказания розгами остались только в военно-тюремных заведениях для отдельных категорий заключенных, совершивших особо опасные преступления [Лыкошин, 1904, с. 1164].

Для сравнения: в австро-венгерской армии в это же время в качестве наказания для солдат официально применялись пытки [М.Г., 1904, с. 6.], а в немецкой армии жестокое обращение с солдатами было столь распространенным явлением, что вызвало специальный приказ Вильгельма II (Разведчик, 1904, № 694, с. 134). По всей видимости, приказ германского императора не сыграл должной роли. Накануне Первой мировой войны большой резонанс в Германии вызвал судебный процесс против Р. Люксембург, утверждавшей, что нижние чины в германской армии подвергаются жестокому обращению. Однако адвокат обвиняемой привел множество примеров, подтверждавших ее слова. Стали известны случаи, когда немецкие офицеры и унтер-офицеры били солдат, стоящих во фронт, и плевали им в лицо, заставляли проделывать ружейные приемы до тех пор, пока те не падали в обморок. Некоторые факты были просто чудовищны: солдат окунали в бассейн в 20-тиградусный мороз, кололи длинными иглами, совали лицом в плевательницы, заставляли ложиться лицом в экскременты, зубными щетками мыть пол во всей казарме (Разведчик, 1914, № 1235, с. 417–418).

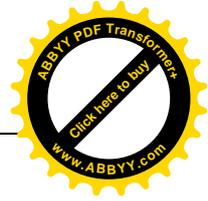
В Русской армии ситуация была иной, что обуславливалось как моральными принципами, которых придерживалось русское офицерство, так и действовавшими законодательными нормами. До 1910 г. офицеры за нанесение побоев солдатам подвергались наказаниям, включавшим арест на полгода и увольнение со службы. В 1910 г. был принят новый Воинский устав о наказаниях, ужесточивший ответственность за рукоприкладство. За нанесение нижним чинам ударов или побоев офицеры подвергались длительному аресту на гауптвахте или дисциплинарному взысканию, в случае повторения – заключению в крепость до двух лет и увольнению со службы. Если же начальник причинял тяжкие телесные повреждения или легкие, но способом, особо мучительным для потерпевшего, то он приговаривался к наказаниям, определенным общими уголовными законами, но всегда более строгим, предусмотренным военным законодательством (Воинский устав о наказаниях, 1910, с. 729).

Число случаев рукоприкладства было сравнительно невелико, они предавались широкой огласке и публично осуждались. Так, в одном из приказов войскам Туркестанского военного округа отмечались случаи нанесения побоев нижним чинам, к искоренению которых будут приняты самые действенные меры. Особо подчеркивалось, что «такое противозаконное обращение с подчиненными... унижающее достоинство человека вообще, а русского солдата, как Царского слуги, в особенности...», недопустимо (Приказ... № 55, 1900, с. 339). «Господа, воображающие, что кулаками они поддерживают дисциплину, не понимают, что сами ее этим подрывают, подавая пример нарушения закона», – считал командующий войсками Киевского военного округа (Приказ... № 127, 1905, с. 451).

Ответственность за побои, нанесенные нижним чинам, наступала неизбежно, ибо вышестоящие начальники, как правило, не желали, да и не могли, учитывая мнение общественности, покрывать нарушителей. «Предупреждаю, что с виновными... буду поступать со всею строгостью закона», – отметил командующий войсками Московского военного округа в своем приказе 1902 г. (Приказ... № 239, 1902, с. 924).

Подчеркнем: в ходе сбора материалов по данной проблеме фактов истязаний или пыток солдат в Русской армии начала XX в., как это было в других армиях, не обнаружено. Выявленные случаи побоев – это оплеухи, толчки, удары кулаком.

При определении меры наказания тому или иному офицеру учитывались обстоятельства, при которых произошло нарушение (нередко потерпевшие своим поведением провоцировали побои), а

также личность виновного. Например, когда в Одесском военном округе командир роты в чине капитана ударил денщика за грубое обращение с членами его семьи, командование части характеризовало офицера положительно, поэтому от должности его не отстранили. Он был наказан 20 сутками ареста, кроме того, в приказе командующего войсками округа капитану было сделано внушение: «Не приличествует отцу-командиру бить вверенных ему нижних чинов...» (Приказ... № 193, с. 820). Однако, когда штабс-капитан конно-горного артиллерийского дивизиона в Киевском военном округе нанес удары нескольким нижним чинам (причины неизвестны), был поставлен вопрос о привлечении его к суду. В конце концов офицеру предложили подать в отставку, предупредив, что иначе он будет уволен в дисциплинарном порядке (Приказ... № 252, с. 1020).

Уже упоминавшийся князь В. С. Трубецкой в своих мемуарах писал: «Когда на нашем советском экране я теперь вижу гвардейского офицера, который по установившемуся штампу всегда изображается жестоким извергом, гнусно издевающимся над... солдатом, а солдата этого почему зря бьют по физиономии, ... я не могу удержаться от улыбки» [Трубецкой, 1991, с. 130]. Заметим: князь описывает в своих мемуарах положение дел в лейб-гвардейском полку, где офицерами служили представители только знатных дворянских родов. И даже здесь, где разница в социальном положении офицеров и солдат была просто огромной, находились офицеры, которых солдаты «...и любили и уважали, причем таких, которых действительно любили, было в нашем полку немало» [Там же, с. 129].

За рукоприкладство привлекали к ответственности даже в условиях военного времени. Например, в 1916 г. был предан военному суду командир 647-й пешей Волынской дружины подполковник Хондзинский за то, что ударил старшего унтер-офицера той же дружины К. Костюка (Национальный исторический архив Беларуси. Инв. № 15287. Приказ № 1152). В том же году командиру 2-го Сибирского железнодорожного батальона полковнику Липинскому был объявлен выговор за то, что он ударил по плечу рядового Г. Биену и несколько раз толкнул его. Кроме того, командира батальона официально предупредили, что в случае повторения подобного инцидента он будет отстранен от должности (Там же. Приказ № 1303).

Таким образом, в предвоенный период в Русской армии принимались меры формирования уставных взаимоотношений военнослужащих и создания позитивной морально-психологической атмосферы в войсках. Несмотря на проблемы, отношения между офицерским составом и нижними чинами в общем соответствовали требованиям нормативно-правовых актов и морали того времени. В решающей мере этому способствовало регулирование взаимоотношений военнослужащих, осуществлявшееся как на законодательном уровне, так и на основе нравственных принципов. В результате армия России вступила в войну с достаточно высоким морально-психологическим потенциалом, что доказывается действиями войск в кампаниях 1914–1916 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Воинский устав о наказаниях. Приказ по военному ведомству № 434 // Приказы по военному ведомству за 1910 г. СПб., 1910.

Наши герои на Дальнем Востоке. Примеры их доблестных подвигов. Пг., 1915.

Национальный исторический архив Беларуси. Инв. № 15287. Приказы армиям Юго-Западного фронта: в 2 т. Т. 1: Приказ от 12 июля 1916 г. № 1152; Приказ от 9 августа 1916 г. № 1303.

Приказ по артиллерии № 4 // Разведчик. 1906. № 798.

Приказ по Кавказскому военному округу 1905 г. № 341 // Разведчик. 1906. № 803.

Приказ войскам Киевского военного округа 1906 г. № 656 // Разведчик. 1906. № 837.

Приказ 8-й Восточносибирской стрелковой дивизии 1905 г. № 178 // Разведчик. 1906. № 806.

Приказ войскам Киевского военного округа № 394 // Разведчик. 1907. № 881.

Приказ войскам Туркестанского военного округа № 55 // Разведчик. 1900. № 495.

Приказ войскам Киевского военного округа № 127 // Разведчик. 1905. № 763.

Приказ войскам Московского военного округа № 239 // Разведчик. 1902. № 626.

Приказ войскам Одесского военного округа № 193 // Разведчик. 1902. № 621.

Приказ войскам Киевского военного округа № 252 // Разведчик. 1902. № 630.

Разведчик. 1903. № 645.

Разведчик. 1904. № 694.

Разведчик. 1906. № 805.

Разведчик. 1906. № 806.

Разведчик. 1913. № 1182.

Разведчик. 1914. № 1235.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп.2. Д. 783.

Библиографический список

Бутовский Н. Военная молодежь и ее неудачи // Военный сборник. 1902. № 1.

Василенко В.О. Офицеры в рясах. М., 1933.

Виш Н. Телесные наказания в войсках и их отмена // Военный сборник. 1904. № 12.

Военная энциклопедия. Т. 1–18. СПб., 1911–1915. Т. 6. 1912.

Галкин М. Новый путь современного офицера. М., 1906.

Драгомиров М. И. Офицерская памятка. URL: http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0430.shtml (дата обращения: 16.11.2014).

Кульчицкий В. М. Советы молодому офицеру. URL: http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0260.shtml (дата обращения: 15.11.2014).

Лыкошин А. С. К отмене телесных наказаний в войсках // Разведчик. 1904. № 734.

Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус Русской Армии: Опыт самопознания / сост. А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин; ред. А. Е. Савинкин. М., 2000.

М. Г. «Отмена» пыток в австро-венгерской армии // Разведчик. 1904. № 689.

«Нижний чин». Одна из причин успеха пропаганды в войсках // Разведчик. 1906. № 798.

Суряев В. Н. «Военная служба, при всей своей почетности, есть самая невыгодная по денежному вознаграждению»: Уровень жизни армейского офицерства Русской императорской армии в 1905–1914 гг. // Военно-исторический журнал. 2014. № 10.

Трубейкой В. С. Записки кирасира: мемуары. М., 1991.

Шарапов, подполковник. Клин, расколовший русскую армию // Разведчик. 1906. № 802.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.11.2014

“AN OFFICER MUST RESPECT THE HUMAN RIGHTS OF HIS COLLEAGUE OF A LOWER RANK”: ON THE ISSUE OF OFFICIAL RELATIONS BETWEEN OFFICERS AND SOLDIERS IN THE RUSSIAN ARMY ON THE EVE OF WORLD WAR I

V. N. Suryaev

Research Institute of the Armed Forces of the Republic of Belarus, Kalinovskogo str., 4, 220103, Minsk, Belarus
sverbihin7@mail.ru

The paper is devoted to the relations between the officers and other ranks of the Russian Army on the eve of World War I. The moral and psychological situation in the Russian ground forces is considered. The analyzed issue still is a matter of debates in historiography. An attempt is made to prove that at that time, officers mostly tried to overcome alienation between them and soldiers. The myth of physical violence of the Russian officers over their subordinates is disproved, and the author states that the system of punishments in the Russian Army was more humane than the ones used in German and Austro-Hungarian armies. The author demonstrates the main directions of humanizing relations in the army and reveals the measures of legal and moral influence on those officers who violated the statutory procedures.

Key words: Russian army, moral atmosphere, soldiers, relationships, parenting.

References

Butovskiy N. Voennaya molodezh' i ee neudachi. *Voennyysbornik*. 1902. № 1.

Dragomirov M. I. Ofiterskaya pamyatka. URL: http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0430.shtml (data obrashhenija: 15.11.2014).

Galkin M. Novyy put' sovremennogo ofitsera. М., 1906.

Kul'chitskiy V. M. Sovety molodomu ofitseru. URL: http://artofwar.ru/k/kazakow_a_m/text_0260.shtml (data obrashhenija: 15.11.2014).

Lykoshin A. S. K otmene telesnykh nakazaniy v voyskakh. *Razvedchik*. 1904. № 734.

M. G. «Otmena» pytok v avstro-vengerskoy armii. *Razvedchik*. 1904. № 689.

Mariyushkin A. Tragediya russkogo ofitserstva // Ofiterskiy korpus Russkoy Armii: Opyt samopoznaniya / sost. A. I. Kamenev, I. V. Domnin, Yu. T. Belov, A. E. Savinkin; red. A. E. Savinkin. М., 2000.

Nashi geroi na Dal'nem Vostoke. Primery ikh doblestnykh podvigov. Pg., 1915.

- Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi. Inv. № 15287. Prikazy armiyam Yugo-Zapadnogo fronta: v 2 t. T. 1: Prikaz ot 12 iyulya 1916 g. № 1152; Prikaz ot 9 avgusta 1916 g. № 1303.
- «Nizhniy chin». Odnа iz prichin uspekha propagandy v voyskakh. *Razvedchik*. 1906. № 798.
- Prikaz 8-y Vostochno sibirskoy strelkovoy divizii 1905 g. № 178. *Razvedchik*. 1906. № 806.
- Prikaz po artillerii № 4. *Razvedchik*. 1906. № 798.
- Prikaz po Kavkazskomu voennomu okrugu 1905 g. № 341. *Razvedchik*. 1906. № 803.
- Prikaz voyskam Kievskogo voennogo okruga 1906 g. № 656. *Razvedchik*. 1906. № 837.
- Prikaz voyskam Kievskogo voennogo okruga № 127. *Razvedchik*. 1905. № 763.
- Prikaz voyskam Kievskogo voennogo okruga № 252. *Razvedchik*. 1902. № 630.
- Prikaz voyskam Kievskogo voennogo okruga № 394. *Razvedchik*. 1907. № 881.
- Prikaz voyskam Moskovskogo voennogo okruga № 239. *Razvedchik*. 1902. № 626.
- Prikaz voyskam Odesskogo voennogo okruga № 193. *Razvedchik*. 1902. № 621.
- Prikaz voyskam Turkestanskogo voennogo okruga № 55. *Razvedchik*. 1900. № 495.
- Razvedchik*. 1903. № 645.
- Razvedchik*. 1904. № 694.
- Razvedchik*. 1906. № 805.
- Razvedchik*. 1906. № 806.
- Razvedchik*. 1913. № 1182.
- Razvedchik*. 1914. № 1235.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA). F. 2003. Op.2. D. 783.
- Sharapov*, podpolkovnik. Klin, raskolovshiy russkuyu armiyu. *Razvedchik*. 1906. № 802.
- Suryaev V. N.* «Voennaya sluzhba, pri vseoy svoey pochetnosti, est' samaya nevygodnaya po denezhnomu voz-nagrazhdeniyu». Uroven' zhizni armeyskogo ofitserstva Russkoy imperatorskoy armii v 1905–1914 gg. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 2014. № 10.
- Trubetskoy V. S.* Zapiskiki rasira: memuary. M., 1991.
- Vasilenko V.O.* Ofitsery v ryasakh. M., 1933.
- Vish N.* Telesnye nakazaniya v voyskakh i ikh otnena. *Voennyy sbornik*. 1904. № 12.
- Voennaya entsiklopediya. T. 1–18. SPb., 1911–1915. T. 6. 1912.
- Voinskiy ustav o nakazaniyakh. Prikaz po voennomu vedomstvu № 434. *Prikazy po voennomu vedomstvu za 1910 g.* SPb., 1910.